

Ольга АЛЕКСАНДРОВА

ЗАГАДКА УЛИТКИ

*«Если черти в душе гнездились,
Значит, ангелы жили в ней...»*

С. Есенин

Раз, и ты в вагоне поезда. Два, загадываешь желание. Три, в твоих руках оказывается перо жар-птицы. Четыре, ты отпиваешь зелёный чай. Пять, за окном мелькают столбы и кивают тебе. Шесть, напротив тебя сидит он и жуёт кожуру от яблока. Семь, поезд въезжает в тоннель. Восемь, ты зажмуриваешь глаза. Девять, начинаешь считать под стук колёс. Десять... ты всё время видишь себя путешествующим в поезде Пенроуза по кругу своих сновидений.

* * *

— Дорогой, у нас будет ребёнок, — женщина поставила перед ним тарелку с кашей, обтёрла об передник ложку и положила её справа. — Хлебушек будешь? — толстый ломоть дрожащей рукой опустил её слева.

— Не надо, — взял ложку и грузно кинул назад в плоску с кашей. — Не смогу я. Ну не смогу, пойми ты. Мы с тобой вдвоём-то не можем прожить. А тут ещё... — он кивнул в сторону округлившегося живота. — Будет сироткой. Одичалый. Дворняжкой.

— Ну... — склонив голову и утирая уголком передника глаза, прошептала, — он ведь наш. Как же мы его, как кутёнка, выбросим, штоль...

— Сказал же, — тарелка юлой закрутилась по столу, разбрызгивая кашу повсюду. — Не могу я. Вытащи и выброси. Всё. Спасибо, сыт я уже, — не оборачиваясь на осевшую возле стола женщину, он вышел из кухни. Спустя пару минут раздался сначала скрип, а потом громкий хлопок входной дверию.

В квартире вдруг сразу стало тихо.

Вы когда-то видели такие дома, где нет детей? Они словно обветшалые гнёзда. Словно опустевшие скворечники. Удушающая тишина. «Чтобы было кому стакан воды принести», — говорят обычно те, кто настраивает струны своей ещё не закоростевшей души на гармонию нежности и мягкости. Для кого-то.

«Детей заводят, как и собак. Ради забавы. Ради привычки. Чтоб как у всех. Так надо».

Так думал он всякий раз, пока шёл от дома к машине. Привычно открыл и сел. Провернул ключ зажигания и, опустив руки на руль, расплакался. Он не хотел бы такой участи для своего ребёнка. Только не так.

В памяти, как слайды в проекторе, снова повыскакивали картины из детства. Пока были рядом дедушка с бабушкой, за едой и в любое время, когда они занимались делами, он занимал себя и родных расспросами. Чаще о войне, что выпала на долю родных. «Что такое судьба, ба?» — «Это, Мишунь, то, что ты хочешь изменить, но не всегда можешь». — «Это как?» — «Вот ушли мамка с папкой на войну. А он остался. Малой же. Таскается от дома к дому, от укрытия к укрытию. Кто где подкормит, кто как обогреет. Но не прибавается ни возле кого. Брошенный. Никому ненужный. И тут вдруг случайно повезёт ему встретить на своём пути шофёра, обычного такого, крепкого мужчину с грубыми мозолистыми руками, и прижимают эти руки его к себе. Жмётся мальчонка: «Папка, родненький, я знал, я знал, что ты меня найдёшь, я так долго ждал, когда ты меня найдёшь». И соединяются два брошенных сердца, и никто не будет одинок. Это и есть судьба. Но таких судеб мало. Много после войны осталось разбитых семей. Много сироток». — «И никто их не берёт к себе?» — «Кто-то и берёт. Но всех ведь не

заберёшь».

«Всех не заберёшь, но кому-то помочь можно», — кивает он на свои повторяющиеся изо дня в день воспоминания.

Доезжает под гнетущие заунывные мысли к работе. У ворот уже напарник ожидает его. Садится к нему в машину, и они едут дальше.

И снова будет дядь Миша спасать оставленных. Некоторых больных. Да и не винил он никого. Мало кто может на себя взять смелость и выхаживать того, чья жизнь висит на волоске. «Тебе тут будет хорошо. Мы будем приезжать. И игрушки все будут твои здесь. Ты не будешь один, Мишунь. Так надо». Наверное, это последнее, что он помнил о бабушке и дедушке.

* * *

Дверцы «вазика» распахнулись, и из него выпрыгнули двое в объёмных куртках и резиновых ботсах.

— А удавку мы взяли? — спросил тот, что помладше того, что постарше.

— На кой леший она нужна? Ослабла уже, вона как согнулась в три погибели, — кивнул он в сторону парка.

— Дядь Миш, а как ты дошёл до жизни такой? — вытащив из багажника мешок и палку с крючком, малой, медленно передвигая ботсами, начал двигаться к скамейке.

— Дык жалко ж их. Брошенок этих. Не я, так очокурится тут совсем сиротка, — раскрыв мешок для поимки животного, он так же осторожно ступал следом за напарником. — Пущай ещё поживёт маленько. Ох, лёгонькая какая, одни кости и хвост. Не жрамши, поди. Дышит. Туше, животинка, туше. Давай-ка вот што, и мы закружляться на сегодня будем. Устал я, и жрать охота, — он аккуратно уложил её, измызганную, с торчащими ушами и холодным носом, рядом с такими же кулками в закрытом кузове, прикрыл дверцы и, забравшись в кабину, добавил: — Последняя на сегодня, — вытащил из кармана куртки что-то наподобие блокнота с ручкой и записал в нём: «Окрас чепрачный. Глаза карие. На ошейнике написано имя «Дружок». — Хм-м... мальчик, стало быть.

— Кобель, — поправил его молодой напарник, усаживаясь на водительское место, и завёл двигатель.

Дядь Миша уже ничего не ответил. Он достал пачку, вытянул сигарету, засунул её в рот. Потом вытащил, смял и, открыв окно, выкинул.

— Обещал жене, что брошу, — будто бы оправдываясь, обронил, глядя в окно, и продолжил: — Жить я должен. Пропадут они без меня.

Напарник так и не понял, о ком сейчас дядь Миша. О своей семье или об этих псах, тех, что они вытаскивали буквально с того света. Если дядь Миша и не говорил, то он-то хорошо помнил, как впервые пришёл в контору и первое наставление, которое услышал, было: «Никого драть нельзя! Запомни это раз и навсегда. На человека и на животное можно подействовать только внушением». Они быстро сработались. Ездили по поимке только вечерами после работы. Вернее, работал ли дядь Миша где-то ещё или нет, он не знал. Да и не спрашивал.

Приезжал, они загружали вещи и накручивали круги по городу. Больше всего разъездов приходилось, конечно, на осенне-зимний период. Кто-то сильно сердобольный оставлял прямо в коробках, а в основном эти бродяжки забивались по паркам и возле подъездов. Свозили их в центр «Реабилитации животных» при ветлечебнице, где работала дядь Мишина жена. Такой вот семейный подряд. Это всё, что он знал про его семью. Были ли у них дети или нет, никогда не дознавался. Да и вообще дядь Миша был не сильно разговорчивым. Прислонит голову к окну и едет вот так, мыслями по стеклу размазывает. Вспоминает что-то, и явно это что-то его мучает. Ну не уходят люди просто так в служение другим. Не просто так становятся врачами, учителями, пожарными... Есть такая профессия — слабых защищать. Вот он и защищал. Помогал.

* * *

— Докторам хорошо, а рабочим — лучше, я б в рабочие пошёл, пусть меня научат.

— Ну, чего остановился? — женщина в белом халате сидит возле кровати и следит за тем, как он читает. Маленькие ручонки лежат поверх одеяла, держат толстенную книжку, и после каждой строчки голова опускается, и он пытается закрыть глаза. Женщина дотрагивается до плеча и мягко проводит по светлым волосикам. — Давай-ка теперь я. Устал, Мишунь?

— Нет. Просто задумался. Я бы тоже хотел быть доктором. Или пожарником, — он ищет глазами строчку, где остановился и читает дальше: — Быть шофёром хорошо, а лётчиком лучше — я бы в лётчики пошёл, пусть меня научат. Наливаю в бак бензин,

завожу пропеллер. В небеса, мотор, вези, чтобы птицы пел... — он снова остановился и повернул голову к окну.

Прямо перед ним плыли облака. На этом уровне их этажа они всегда были тут в любое время. Иногда похожие на бороду старика Хоттабыча, иногда на пушинки одуванчика, а чаще на лапки белого пуделя. Он всякий раз фантазировал и сочинял сказочные истории. Так советовал делать доктор, когда заходил на осмотр. Да и, честно говоря, так нравилось ему самому. Сколько он себя помнил, а значит, вот уже 8 лет, он вечно что-то придумывал. И постоянно был здесь. В этой комнате, где стояла его кровать у стены.

Рядом был стол, напротив окно с широким подоконником и таким же широким карнизом. На который время от времени прилетали голуби и тут же становились новыми персонажами. Единственными его друзьями были книги. И потому в его фантазиях часто мелькали пираты и сокровища, где Джим Хокинс находит карту и вместе со своими друзьями отправляется на Эспаньоле в опасное приключение. Или смешной человечек с пропеллером, который гоняет воров по крышам и доводит Фрекен Бок до жужжания в обоих ушах.

Он жил в своём загадочном мире, наполненном светом и свежим воздухом. И представлял, что когда-нибудь выберется из своего подземного укрытия и попадёт на поверхность земли. Он даже завёл себе воображаемых друзей из повести, которую читал, и общался с ними, правда, когда мамы не было рядом, — водяную крысу по имени мистер Рэт, мистера Жаба и мистера Барсука. Так они и проводили все дни, пока он лежал под капельницей или спривался с болью после курса обезболивающих.

* * *

Сегодня был самый лучший день. Сегодня ярко светило солнце, и небо выглядело таким светлым, будто морская гладь. Развернув белые паруса, на воде показывался великолепный трёхмачтовый фрегат. Сквозь прорези в бортах смотрели точёные пушки, по бокам от бушприта темнели крепкие якорьки. Команда из сорока человек завершала построение на борту с боцманом, у которого на плече восседал попугай. И такой этот боцман, вот как его папка. То удочку купит, то леску натянет, то кораблик самодельный подарит. Но только не ему, а всё это остаётся подарками других ребят. Заботливый. Жалостливый у него папка. Всем готов помочь. «Ты ведь у меня тоже вырастешь, помогать будешь?» — скажет и обнимет. Прижмётся тогда мальчиковая щека к колючей щеке отца, и забудётся от отцовской любви детское сердечко. Застучит, как колёса паровоза. И снова умчится Мишка в мыслях в свои сказочные миры. Никто ему не страшен. Никого он не боялся. Как отважный мангуст Рикки-Тикки-Тави, стойко стоял перед любыми изворотливыми напастями. Только и у мальчишки был свой потаённый страх. Больше всего на свете боялся он быть брошенным, как Дружок, который остался висющим на заборе и колышущимся на ветре бумажным листком.

Не бывает нелюбимых, бывают ненужные.

Мама поднимала его иногда на кровати и, подперев подушкой спину, подсаживала к окну.

Он сидел и смотрел, как в парке внизу бегают дети и играют собаки.

Он улыбался.

Вот несётся похожий на обезьянку аффенпинчер, и даже издали видно, как забавно морщится мордочка этого домовёнка Кузи. А вот рыжий пухлячок, который из-за своих кустистых бровей скорее похож на угрюмого старика, нежели на собаку. Милые, но ужасно некрасивые сардельки на коротких лапках — эти часто лениво сидят возле своих хозяев на скамейках. Но иногда и всё чаще в осенне-зимний период, когда уже меньше детей и слабее солнце, в парках возле этих самых скамеек сидят они. Ощетинившиеся сиротки. Оставленные и забытые.

Темно и грустно.

Сегодня был бы самый лучший день, но к вечеру всё омрачил дождь. Юный мечтатель сидел возле окна и смотрел, как раскачиваются клёны-великаны. Ветер срывает последние лоскутные одеяния с каштанов и дубов. На низкорослых деревьях возле обочины дороги уже налились красные ягоды. Их много. Значит, и зима придёт скоро и будет долгой. Листья стали совсем ржавые. По парковой дорожке стекала буро-серая масса.

— Ты не хочешь прилечь уже, Мишенька?

— Немножко посижу и прилягу, мам, — он вдруг видит, как под скамейкой что-то двигается. Привычно представив, что это груда листьев, присматривается. Неожиданно отделяется сначала одна лапа, потом другая. И вот тёмный силуэт, качаясь, пробуждается. Он съёживается в унисон с собакой, которая поджимает под себя хвост. Наклоняет голову вслед за мордочкой животного. И вздрагивает вместе с собакой, кото-

рая, падая, развеивает веером листья под собой.

Кулачки сжимаются, и он пытается приподняться, ожидая, что упавший друг расшевелится снова. Но снова ничего не происходит. Только двое мужчин, резко откуда-то возникших, вытягивают длинной палкой с крючком из-под скамейки обездвиженное тело, засовывают в мешок и несут на вытянутых руках к машине.

Спать не хочется. Хочется придумать, что эта история не закончилась. И что щенок нашёл свой дом и своих родителей.

* * *

Только бы не быть одному.

— Посиди со мной немножко, — задержав за подол, он не отпускает маму. Она не противится. Давно уже привыкла, что он не заснёт без её рассказов. Как и давно привыкла к тому, что он называет её «мамой». Да и не он один. Многие детки в их Центре называют врачей «папами», а медсестёр — «мамами».

— Ну хорошо, ты прикрывай глазки, а я расскажу тебе историю про путешествие на поезде мечты. Поезд этот был не обычный, а волшебный. Всякий, кто в него садился, мигом получал то, о чём мечтал больше всего. Две стрекозки-воображельки Лана и Тата загадывали никогда не бояться дождя, который мог испортить их кружевные наряды. И платица их вмиг превращались в зонтики, а на ножках красовались лаковые туфельки. А вот хмурый дядюшка, который хотел всё время оставаться богатым и независимым, и тут же у него в руках оказывался кожаный саквояж, дополна набитый золотыми монетами. Где-то рисовали несмываемыми красками, где-то стучали на самопечатающей машинке, где-то играли на парящих в воздухе струнах, дымилась каша на невидимой плите и закручивались сливочные рожки в вафельных стаканчиках, — мама уже давно заканчивала рассказывать и, наклоняясь, целовала его в щёчку.

— Спи, Мишуль, — прикрывала дверь, и он открывал глаза.

Перед ним затормозил длинный поезд, собирающий копошащихся пассажиров с перрона. Все они выглядят радостными и счастливыми. Ведь через пару минут их мечты сбудутся.

«Как мало и как глупо мечтают взрослые о чём-то таком неважном. Совершенно дурачком». Так думал маленький мальчик и представлял себе, что бы он пожелал, окажись он в этом поезде. Заполненном до последнего вагона. Вот лишь одно купе, где ещё есть свободное местечко.

Он втискивается рядом с полным мужчиной и смотрит внимательно на него. «Интересно, что же мог загадать себе он?» Видит, как перед мужчиной лежит фотография, где запечатлён явно молодой высокий человек. «М-м-м...» — мужчина улыбается, поправляет свои кудрявые волосы и проводит рукой по тому месту, где только ещё пару минут назад было упитанное пузо. Он достаёт свёрток и разворачивает его. По купе проносится запах жареного лука, и слышно поскуливание — «явно ж не от этого мужика».

Взгляд опускается на пол, где возле двери купе сидит щенок. Он виляет хвостиком и, поджимая лапки, готовится сию минуту подпрыгнуть и выхватить торчащий из бутерброда уже не пузатого Аполлона, отваливающийся краюшек котлеты. Отломок шмякнется на пол, и щенок с жадностью раздирает его, как Тузик грелку. Аполлон, не отрываясь от своего куска, чавкает и кивает головой: «Приятного!» Все сыты и все довольны.

«Что такое счастье?» Он рисовал себе, что счастье — это вот как поездка в этом поезде. Так непостоянно и так неизменно разну у многих. Счастье всегда связано с исполнением мечты.

Только мечты эти, как в сказке с Золушкой, разбивались тыковкой, когда заканчивался путь и путник прибывал к своему месту назначения.

Он тоже мечтал, чтобы его мама и папа были рядом. И чтоб когда поезд остановился, на перроне они встречали его. И всё. Больше ничего не надо. «Просто маму и папу».

Но каждую ночь он просыпался от своего удушающего крика и успокаивающего голоса над собой:

— Ну что ты, миленький, снова сон? Давай-ка, как учил нас доктор. Нашу считалочку, — и они начинают вместе считать. Раз, по узенькой дорожке голова ползёт да рожки. Два, очень медленно ползёт, на себе свой дом везёт. Три, дом из камня завитками, в этом доме зверь с рогами. Четыре, и не бык, и не коза, на рогах у ней глаза. Пять, рожки есть, а не бодает и к ладошке прилипает. Шесть, испугалась воробья, спряталась рогатая. Семь, дождь идёт, гремит ли гром — завитой укроет дом. Восемь, в домике всегда своём, даже в гости ходит в нём. Девять, жизнь свою живёт она в своём домике одна. Десять, нет забора, нет калитки, возле домика...

* * *

Тишину вдруг разрывает звонок. Она как обычно идёт к входной двери, привычно приложившись к глазку, проворачивает дверной замок.

Распахивает настежь дверь.

— Ты приготовишь чаю? — он с нежностью смотрит на неё и, не дожидаясь ответа, входит в квартиру и скидывает облепленные уже присохшей к подошве грязью ботсы на пороге. — Устал сильно. Спит? — не раздеваясь, идёт в комнату, где возле стены стоит детская кроватка. Наклоняется и целует в макушку свёрнутый в ней кулёк. В кроватке кто-то шевелится и издаёт протяжный звук, как струнка скрипки.

— Тебя ждал, — женщина сияет.

Он смотрит в глаза младенца, пытаясь в этих двух мутных кружочках распознать, какого же они будут цвета. «Да и важно ли это? Намного важнее, чтобы они всегда были счастливыми».

— А помнишь, Мишань, как, растерявшись, мы выбирали, кого взять? Как кутят из коробки, разложили перед нами. Все такие похожие, — она умильно смотрит на малютку и аккуратно поправляет чепчик на маленькой головке.

— Конечно, помню... — потом вдруг запинается, словно извиняясь за что-то, и добавляет: — А теперь знаю. Он — наш. Нужный.

— Спасибо, — улыбается ему в ответ.

Он опускает глаза в пол.

На полу стоят спущенные с антресолей коробки, в которых лежат детские игрушки: толстячок в ошейнике «Дружок» с забавной мордочкой старичка, боцман с попугом на плече, водяная крыса и барсук, две стрекозки, держащиеся друг за дружку лапками, и старенький на деревянных колёсиках поезд с облетевшей на некоторых вагончиках краской.